

Под счастливой звездой

юбилей

8 ноября Николаю Григорьевичу УСТЕНКО исполнилось 90 лет. Его имя хорошо известно и в Барнауле, и за пределами Алтайского края. Кавалер трех орденов Великой Отечественной войны и трех орденов Трудового Красного Знамени, он награжден многими медалями, почетными грамотами, дипломами. Кандидат наук, профессор, бесценный председатель городского комитета ветеранов Великой Отечественной войны, почетный гражданин г. Барнаула, Николай Григорьевич, помимо всего этого, — еще просто счастливый муж, отец, дед и прадед. Сегодня мы предлагаем читателям «ВБ» его юбилейное интервью.

У юного Николая Устенко вся война еще впереди. На ней он станет взрослым.

О ВОЙНЕ

— Какое событие, Николай Григорьевич, оказало на вашу жизнь решающее влияние?

— Думаю, что война. Я ушел на фронт мальчишкой, едва исполнилось 19 лет. Мне повезло, остался жив, а двое моих старших братьев, Яков и Михаил, погибли. Так что я жил и за себя, и за них. Знаете, кого на селе в войну боялись больше всего? Почтальонку. Зайдет она в чей-то двор и не успеет еще выйти, а оттуда уже детский плач и бабий вой. Стало быть, нет теперь в этом доме кормильца. Мне моя мать уже после войны рассказала, когда я с фронта вернулся, что молила Бога, если уж придет похоронка к ней в дом, то уж лучше на Николенку, то есть на меня, так как я холостой, ни жены, ни детей, а у братьев дети: у одного — четверо, у другого — двое. А вот видите, как вышло — я жив, а их нет. На войне взрослеют быстро. Я сначала смерти очень боялся, она там на каждом шагу, потом привык. Те, кто прошел войну, стали крепче, мужественнее и то же время добрее по отношению к другим. О том, что чужого горя не бывает, они проверили на себе.

О СУДЬБЕ

— Вы верите в судьбу? Если да, то какая она у вас?

— В судьбу не верю, так как за этим стоит некий фатализм. Асам-то человек? Разве не он хозяин своей жизни? Разве не он выбирает, что ему делать, как поступать, как думать? Для многих это просто отговорка — повод свалить все на жизнь. Но если судьба все же есть, хотя бы как философское определение, тогда должен сказать: она у меня хорошая. Во-первых, в тяжелейших обстоятельствах она дала мне шанс выжить. Во-вторых, я всегда был востребован, не побоюсь этого слова, обществом, в-третьих, у меня практически не было врагов, кроме как на войне, конечно. Словом, мне на судьбу жаловаться грех.

— Как вы относитесь к вере? Она, как известно, не требует доказательств, вера либо есть, либо ее нет, как и любовь.

— Я атеист. В Бога не верю, это у меня по отцовской линии, он, умирая, говорил моей маме, что не верит ни в Бога, ни в загробную жизнь. Но я с уважением отношусь к верующим независимо от их конфессии.

Оставаясь атеистом, я не могу не согласиться с тем, что настоящая вера несет в себе позитивный заряд — среди истинно верующих меньше людей, подверженных алкоголизму, наркомании, криминалу. В принципе, я не вижу большой разницы в заповедях Христа и «Моральном кодексе строителя коммунизма».

— А душа у человека есть, Николай Григорьевич?

— Душа есть. И никакого противоречия с моими убеждениями старого атеиста нет. Для меня душа — это совесть. Она же не печень, не селезенка, ее не пощупаешь, но ведь болит же, болит, причем эту боль ощущаешь физически. У меня если когда что-то не ладится — я места себе не нахожу. Поэтому для меня жить по душе — значит, жить по совести.

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

— С вами рядом живет несколько поколений — те, кому 20, 40, 60 и 80. Какое из них ближе вам? С кем комфортнее в психологическом плане?

— Мне лучше, я бы сказал, легче общаться с теми, кому 50–60 лет. Они мне близки хотя бы уже потому, что, несмотря на разницу в возрасте, мы жили в одну историческую эпоху, в одном культурном пространстве. При этом я не забываю слова Оскара Уайльда, сказавшего, что ни один человек ни за какие деньги не купит своего прошлого. И я это понимаю, но если прошлое нельзя вернуть, его можно просто не забывать. Попытаться не забыть, что в нас течет кровь предков, создавших великую страну, великую культуру, и мы, как наследники этого, не просто должны, а обязаны быть великим народом. Меняются эпохи, идеологии, лозунги, в жизни вообще все меняется, и народ в том числе, но он может меняться только в лучшую сторону. Другого варианта просто нет, за ним — смерть.

— Вы бы хотели что-то изменить в своей жизни? Если не радикально, то хотя бы подправить?

— Скорее всего, нет. Не хотел бы. А зачем? У меня все и так получи-

Николай Устенко: «Я всегда был востребован. Быть нужным обществу — лучшая награда».

лось куда с добром. Я всегда был кому-то нужен, надеюсь, что нужен и сейчас. А вот подправить кое-что не мешало бы.

— ?

— Я не умею плавать. Вот не умею — и все. Я по этой причине еще на войне должен был не раз утонуть. А сейчас, наверное, уже и поздно учиться. Вот дочь душевую кабинку купила, в ней и плещусь.

— На днях я говорил с Вилли Александровичем Соколенко. Живая легенда, как и вы. Кавалер ордена Ленина, его совхоз «Санниковский» на весь Союз гремел. Звоню ему, а он мне: «Михаил Кириллович, на душе совсем одиноко, поговорить не с кем». А как вы? Ровесники ваши либо «в лесах за Вислой сонной», либо умерли уже в мирное время. Тоска не накатывает?

— Одиноким я себя не чувствую, хотя, признаюсь, очень боюсь пустоты вокруг себя. По странному стечению обстоятельств одинокими становятся либо очень молодые, либо очень пожилые. У меня же есть мой комитет, моя Вера Ивановна (супруга Н.Г. Устенко. — Прим. авт.), навещают дочери и внуки. В общем без внимания не остаюсь. Правда, надо понимать и другое — человек в этот мир приходит один и уходит тоже один. Ведь и Иисус Христос был отчаянно, трагически одинок, до последнего своего смертного часа, хотя был сыном Бога. И многие

наши люди творчества — поэты, художники, музыканты, находясь вроде бы все время в толпе, также страдают от одиночества... Таков их удел.

О ВРЕМЕНИ

— С годами время сжимается, как шагреньевая кожа. Его не хватает даже пенсионерам, хотя у них-то его вроде бы должно быть с лихвой. А вам?

— Я не исключение. Мне его никогда не хватало, чем бы я ни занимался. Много читаю, газеты, радио, телевидение. Стараюсь никуда не опаздывать. С годами понял: ничего дороже времени нет, ведь по сути время и есть жизнь. Оно у каждого свое, от сих и до сих.

— Вы всю жизнь на виду. Нетяжко? Сами знаете, людские языки, пересуды, особенно на селе.

— В 28 лет я стал первым секретарем РК КПСС Алтайского района, что почти в предгорьях. Для меня это был первый опыт ответственности не только за свою работу, но и за свое поведение. Идет сенокос, люди от темна до темна на работе. А моей Вере Ивановне, жене, хочется, чтобы я с ней под ручку по селу прошелся. Ей же всего 23 года, она учительница, лето на дворе. А как же мой статус первого лица в районе? Что люди скажут? А люди скажут, что вот у нас сенокос, а первый по селу прогуливается. В общем, не гуляли мы с Верой Ивановной. И я думаю, это было правильно.

— Что вы цените в нынешней своей жизни больше всего?

— Время, только время. Организм с годами слабеет, ветшает, и к этому относиться уже философски, да и врачи помогут в случае чего. А вот время пролетит — и нет его.

— Образованность и мудрость — не одно и то же. С кем вам лучше — с образованными или мудрыми? Вы ведь сами профессор, кандидат наук.

— Мне больше по душе мудрость. Я согласен с Солженицыным, сказавшем, что образованность у нас заменила «образованщина», представителей такого вида образования в последнее время все больше и больше. А людей по-настоящему мудрых не так уж и много. И потому они так ценны.

— Стало быть, в этом контексте вы разделяете горьковское «холодное презрение мудрости»?

— Скорее, снисходительность, поживут и ума, и мудрости наберутся. Не все, конечно.

И О ЛЮБВИ

— Есть ли в нашем очень непростом обществе хотя бы сама возможность услышать слова «любите друг друга»?

— А без любви ничего не будет. Ни человека, ни семьи, ни страны. Покажите мне хотя бы одну счастливую семью, в которой нет любви. Нет такой. 400 лет назад Россия покончила со Смутой — для этого нужно было услышать друг друга и полюбить. Мы все войны и наши победы вытащили только на одной любви к своей стране.

Он воевал под Сталинградом и на Курской дуге, участвовал в десятках боевых операций и выжил.

— Что по-вашему семейное счастье? Рецепт не поделитесь?

— Никаких секретов нет и никаких рецептов. Любите друг друга, это самый большой труд и самая великая работа, и все у вас будет хорошо.

— Николай Григорьевич, 90 — это много или мало?

— И много, и мало. Я прожил 90 — это много. Но пожить-то еще хочется. Как говорит моя супруга Вера Ивановна, если повезет из ума не выжить — то можно и до 100.

— Вера Ивановна называет себя солдаткой, почему?

— Да она меня так редко видела — работа, работа, работа. Но она мой ангел-хранитель, и я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, не будь ее.

— Судьба, однако, Николай Григорьевич?

— Судьба. Я же говорил, что мне досталась хорошая.

Михаил ЗИМОГОР.

Фото Андрея ЧУРИЛОВА.

Со своей супругой Верой Ивановной Николай Григорьевич прожил всю жизнь. Она для него и ангел-хранитель, и счастливая судьба, и путеводная звезда.